

УДК 94(47)

Измозик В.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского Государственного университета телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича (Россия)

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ЦЕНЗУРЕ

Рецензия на сборник «Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов» (СПб.: РНБ, 2025. Вып. 12. 544 с.)

Рецензируемый сборник посвящен истории цензуры в России на протяжении двух столетий. Анализируются проблемы доступа к информации; конкретные ситуации взаимоотношений цензуры с российскими писателями, издательствами, газетами и журналами, театрами; публикуются документы и справочные материалы из истории цензуры; рецензии на книги и обзоры различных мероприятий по проблемам цензуры.

Ключевые слова: История цензуры, публикации, юбилеи, рецензии и обзоры, библиография и справочные материалы

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-116-124

В конце 2025 г. вышел очередной, 12-й по счету, сборник «Цензура в России». Напомню, что эти труды выходят уже 25 лет, с 2001 г., под эгидой Российской национальной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. В этом, конечно, прежде всего заслуга доктора философских наук М.Б. Конашева и доктора исторических наук Н.Г. Патрушевой, а также редактора Г.А. Мамонтовой. К тому же, издателям удастся поддерживать уровень публикаций на весьма достойном уровне, что, согласитесь, не просто выдержать на протяжении многих лет. Традиционно сборник имеет солидный объем (35 п.л.), и основному тексту предшествует обращение «От составителей», содержащее краткую аннотацию. В данном случае здесь имеются четыре раздела: статьи по истории цензуры, публикации, юбилеи, рецензии и обзоры. Для удобства читателей есть Список сокращений и Сведения об авторах. Продолжая статистику, начатую мной в предыдущей рецензии, (см.: Измозик В.С. Проблемы российской цензуры: рецензия на сборники научных трудов «Цензура в России: история и современность» (Вып. 10, 2021. Ч. 1, Ч. 2. Вып. 11, 2023) //

Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 171 – 175), отмечу, что в данном издании появились публикации восьми новых участников, что составляет ровно треть по отношению ко всему авторскому коллективу. Это, конечно, не может не радовать. Одновременно новые материалы предоставили «ветераны» сборников: Д.А. Бадалян, Н.А. Гринченко, Г.В. Жирков, М.В. Зеленев, М.Б. Конашев, А.И. Кондратенко, Н.Г. Патрушева, Е.С. Сони́на, Ф.К. Ярмолич. Безусловными «рекордсменами» в данном сборнике являются Н.А. Гринченко (две публикации документов: «Отчеты цензурного ведомства как источник сведений об организации цензурного надзора и по статистике российского книгоиздания (1829 – 1861 гг.)» и «Прошения разных лиц о зачислении на вакансию цензора (1853 – 1861 гг.)», Н.Г. Патрушева, которой принадлежит и статья, и обзор научной конференции «XXIII Павленковские чтения: книжное дело в России в XIX – начале XX века», прошедшей в РНБ в октябре 2023 г.; и Е.Г. Федяхина (публикация протоколов заседаний Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати в марте – сен-

тябре 1917 г. и обзор Второй научно-практической конференции по истории драматической цензуры «Разрешить нельзя запретить», прошедшей 18 октября 2024 г. в Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке (СПбГТБ)).

Перейду теперь к обзору каждого из разделов. Раздел «Статьи» включает 13 материалов и занимает 40 % всего объема. Естественно я не могу по причине ограниченного объема дать характеристику каждой из них. Поэтому пусть меня простят авторы, которых я обойду молчанием, за субъективный выбор.

Статья доктора исторических наук Н.Г. Патрушевой «Изучение истории цензуры иностранных изданий в России в XX и в XXI веке» [3, с. 16 – 44], как нам представляется, означает определенный поворот в многолетней работе Натальи Генриховны по истории цензуры. Пожалуй, впервые, она обратилась к данному историографическому сюжету, стремясь проследить и выявить «исследовательскую литературу по истории цензуры иностранных изданий в России в разные исторические периоды». Начало этого она относит к 1921 г. и прослеживает до настоящего времени. В поле ее зрения попали сочинения многих десятков авторов, выступавших, как персонально, так и в составе авторских коллективов. В заключение Наталья Генриховна указывает на следующую задачу в этом направлении: «на очереди стоит изучение архивов в городах, где функционировали учреждения по иностранной цензуре, исследование запрещенных изданий на разных языках, особенно восточных, а также по разным отраслям знаний, например, по медицине». Пожелаем ей успеха в этой работе.

Статья кандидата исторических наук Д.А. Бадаляна «III отделение и цензура «Московского сборника» 1852 года» посвящена выяснению отношений власти и славянофилов в начале 1850-х гг. [3, с. 45 – 66]. Любопытно, что еще с 1847 г. славянофилы не только находились под наблюдением III

отделения и московской полиции, но некоторые из них были подвергнуты арестам, хотя издания западников продолжали выходить, несмотря на революции в Европе в 1848 – 1849 гг., что, на первый взгляд, выглядит нелогично. Дмитрий Александрович предлагает свое объяснение этого. Он отмечает, со ссылкой на В.Г. Чернуху, что в тогдашней России вместо правительства в строгом понятии этого термина существовали «ведомства, зачастую, расходившиеся во взглядах» и император, как верховный арбитр. Автор подчеркивает, что позицию III отделения, имевшему право контролировать органы цензуры, и московского генерал-губернатора А.А. Закревского определяло их негативное отношение к славянофилам. Причину этого он видит в принадлежности Л.В. Дубельта, реально управлявшего III отделением, в принадлежности к т.н. «немецкой партии», которая как угрозу себе воспринимала любые попытки развития национального сознания. Вместе с тем, в ближайшем окружении Николая I был граф Д.Н. Блудов, в данное время главноуправляющий II отделения С.Е.И.В. канцелярии, покровительствующий славянофилам и убеждавший императора, что эта «диванная партия» не представляет опасности для государства. Мне кажется, что необходимо было поэтому более четко прописать позицию императора, далеко не всегда следовавшего советам представителя одной из т.н. «партий», а также напомнить, что лучшие представители славянофилов и западников испытывали глубокое уважение друг к другу. Лишь к полемическому запалу могу отнести фразу, что «ни один из журналистов-западников не был тогда арестован», ибо самому жестокому разгрому был подвергнут в 1849 г. кружок М.В. Петрашевского, безусловно, в целом западнического направления, к которому принадлежал и ряд деятелей литературы.

Статья доктора филологических наук Г.В. Жиркова «Ф.И. Тютчев и А.В.

Никитенко на цензурном Олимпе» раскрывает внутреннее противоборство в «коридорах власти» в пору попыток реформировать цензурное ведомство при Александре II [3, с. 58 – 110]. Интересно, что они оба, слывшие либералами в делах цензуры, оказались решительными противниками министра народного просвещения А.В. Головнина. В их отзывах А.В. Головнин удостоивается эпитетов «подлец», «дурак», «глупец». В результате, как мне кажется, читатель может получить одностороннее представление об этом государственном деятеле. Под пером других исследователей, между тем, он предстает, как один из важных участников «Великих реформ» первой половины 1860-х гг., в частности, Университетского устава 1863 г. Да и отзывы о нем А.В. Никитенко не были столь однозначными. После первой встречи с ним 28 января 1862 г. он записал в дневнике: «Прежде три четверти времени уходило на болтовню и пустые словопрения. Теперь же читается бумага, приводится справка и если все мнения согласны, то делу и конец; если же не согласны, то собираются голоса». Еще более выразительна реакция А.В. Никитенко 17 февраля 1872 г. на прочтение в Государственном Совете мнения А.В. Головнина о новых Временных правилах о цензуре: «Мнение это написано с замечательным умом, правдою и твердостью. Оно все проникнуто мыслью в защиту свободы печати, разумеется, в известных пределах, и пагубности репрессивных против нее мер». Добавим здесь же и суждение А.Ф. Кони в некрологе на смерть А.В. Головнина: «редкое по своей солидности образование, и глубина взглядов, дававшая чувственное биение теплого сердца, не умевшего стареть и успокаиваться в сознании своего личного довольства и почета» [1, с. 77 – 78].

Статья кандидата исторических наук И.К. Богомолова «Дипломатическая цензура газетных телеграмм в годы Первой

мировой войны», кроме небольшого предисловия, является публикацией двух докладных записок управляющему отделом печати и осведомления МИДа Ю.А. Нелидову и самого Ю.А. Нелидова директору Дипломатической канцелярии при ставке князю Н.А. Кудашеву, раскрывающих проблемы, связанные с этим видом цензуры [3, с. 168 – 184]. Как человеку, имеющему некоторое отношение к данному сюжету, мне эти бумаги, извлеченные из Архива внешней политики Российской империи, показались весьма интересными. Однако, на мой взгляд, следовало дать биографические справки на авторов записок, а также, по возможности, на лиц, упомянутых в текстах. Например, цензор Вейнер – это редактор-издатель журнала «Старые годы», создатель Музея Старого Петербурга, Петр Петрович Вейнер (1879 – 1931), расстрелянный 7 января 1931 г. в Ленинграде.

На мой взгляд, интересной и весьма дискуссионной является статья доктора философских наук М.Б. Конашева «II съезд Всесоюзного общества генетиков и селекционеров и информационная война» [3, с. 199 – 217], отражающая определенное направление в современной историографии. Небольшое вступление о случае, произошедшем 1 февраля 1972 г. в МГУ в ходе заседания указанного съезда, когда во время лекции американского генетика М. Грина и демонстрации фильма с вводными словами Ф.Г. Добржанского, крупного ученого, «невозвращенца», вышел из строя проекционный аппарат, стало основанием для размышлений об «информационной войне», «которую капиталистический Запад во главе с США денно и нощно вел против СССР и которая была важной и в определенном отношении даже главной составной частью холодной войны» [3, с. 202], а также о том, «какие ошибки были допущены ... руководством КПСС, и какой могла бы и должна была быть информационная политика СССР?» [3, с. 203].

В этой связи Михаил Борисович

формулирует ряд тезисов: 1. «Информационная политика СССР ... представляла собой централизованную партийно-государственную информационную систему»; 2. «... на самом деле информационная политика СССР ... не совсем соответствовала ни подлинно марксистской ..., ни советской информационной политике, какой она могла бы и должна была бы быть»; 3. «реально совершенная в октябре 1917 г. рабоче-крестьянская коммунистическая революция и как ее результат первая фаза ... коммунизма ... в действительности сильно отличалась от тех представлений ..., что содержались в трудах классиков марксизма». Из причин этого автор выделяет то, что все 70 лет СССР находился в «перманентном и тяжелом положении „осажденной крепости“», а также то, что руководство КПСС оказалось неспособно «на ... теоретически верное осмысление» возникших противоречий и проблем. Сразу встает вопрос, с какого времени, по мнению автора, это произошло? «Ни власть, ни население не были обеспечены знанием о социальной, экономической и международной реальности, в которой находилась страна». Казалось бы, последний тезис, даже не касаясь экономической стагнации страны, неспособности насытить потребительский рынок даже в самый благополучный период с 1965 по 1985 гг., указывает на серьезные предпосылки краха СССР. Но Михаил Борисович поддерживает точку зрения, что «СССР ... мог ... продолжить успешно развиваться, если бы не фактический сговор его *внутренних* (курсив наш. — В.И.) и внешних врагов и его разрушение в результате ... номенклатурной контрреволюции» и с одобрением цитирует С.Г. Кара-Мурзу и Г.В. Осипова: «советская система была убита ... союзом трех сил советского общества: части номенклатуры КПСС, части «интеллигенции («западников») и преступного мира». Подобные выводы, на мой взгляд, весьма далеки от попытки научного подхода.

Встав на определенную идеологическую платформу, автор загоняет себя в тупик. 70 лет руководство страны искало и репрессировало «врагов», воспитывало массы в духе преданности идеалам марксизма-ленинизма, а как только гайки были ослаблены, из всех щелей вылезли враги, и система рухнула. Получается, что 290 млн советских граждан, за небольшим исключением предателей и преступников, какие-то оловянные солдатики, которыми можно спокойно манипулировать! Я согласен, что поскольку каркасом государственной системы являлась партия-государство, то решения XIX партконференции о передаче власти Советам в той ситуации, при нерешенности экономических и социальных проблем, были серьезнейшей ошибкой. Но партия была настолько «выдрессирована» Сталиным и последующими руководителями, что никаких серьезных возражений не последовало. Посмотрите книгу «В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2008». С каким восторгом члены Политбюро встречали записки и размышления Горбачева на протяжении ряда лет! Почему Пленум ЦК (июнь 1987 г.) дружно голосовал за выборность руководителей предприятий, что нанесло мощный удар по экономике? Неужели никто не понимал, к чему это приведет? Что мешало членам ЦК сместить генерального секретаря? Почему Верховный Совет РСФСР почти единогласно принял «Декларацию о суверенитете РСФСР»? Почему в декабре 1991 г. все три Верховных Совета России, Украины и Белоруссии, при минимальных голосах против, ратифицировали Беловежские соглашения? Почему десятки и сотни тысяч граждан не вышли на улицы в защиту СССР? Все это говорит о серьезнейшем системном социально-экономическом и политическом кризисе советской системы и подменять этот анализ конспирологическими суждениями о

«врагах» и «предателях» не стоит. Отметим в этой связи недавние фундаментальные труды доктора исторических наук А.С. Пученкова: «М.С. Горбачев: PRO ET CONTRA : Личность, деяния и эпоха М. С. Горбачёва в оценках современников и исследователей : антология. 2-е изд., испр. / сост., вступ. статья, коммент. А.С. Пученкова. – СПб.: РХГА, 2023. 799 с.» и «Генсек и Президент: М.С. Горбачев в 1990 – 1991 гг. : монография. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2024. 590 с.», где с возможной объективностью исследуется время «Перестройки», в том числе и на основании бесед со 150-ю активными участниками политической жизни того времени, сторонниками и противниками М.С. Горбачева.

Статья кандидата исторических наук Ф.К. Ярмолича «Иностранные источники информации в СССР 1950 – 1960-х гг.» [3, с. 218 – 229], по сути, продолжая предыдущую тему, анализирует ситуацию после смерти Сталина. Новое руководство страны, провозгласив курс на «мирное сосуществование», вынуждено было ослабить «железный занавес». Возникают такие организации, как Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (1958 г.), Бюро международного молодежного туризма «Спутник» (1958 г.); резко расширяет сферу своей деятельности «Интурист», активно занимаются зарубежным туризмом профсоюзы, иницируется переписка советской молодежи с зарубежными сверстниками, многократно возрастает обмен гастролями советских и зарубежных артистов, взаимная стажировка молодых ученых. Все это ставило перед советскими органами управления крайне сложную задачу: развивать официальные формы контактов советских людей с населением иностранных государств, сохранять целенаправленный контроль за ними и всячески препятствовать распространению нежелательной информации, в том

числе из неофициальных зарубежных источников. Федор Кузьмич к неофициальным источникам относит зарубежные радиопередачи и печатную продукцию, не имевшую разрешительных документов. К официальным: допущенные в СССР иностранные кинофильмы, музыкальные произведения, переводную литературу, выставки, контакты в ходе туристических поездок.

Серьезную озабоченность властей вызывало прослушивание передач на языках всех союзных республик, переписка граждан с родственниками или друзьями. В середине 1960-х гг. такую переписку вели, например, около 350 тыс. человек в Литовской ССР. За 1965 г. из посылок, бандеролей, писем было конфисковано более 2,5 тыс. книг, журналов, листовок и более 1 тыс. входящих писем. Не меньшую обеспокоенность вызывали разнообразные контакты в ходе туристических поездок, на выставках, при обмене делегациями и т.п. В 1963 г. американский историк Р. Пайпс прочел четыре лекции на историческом факультете ЛГУ, которые, по словам культуролога и философа Б.М. Парамонова, вызвали огромный интерес у слушателей [2], и недовольство партийных органов [3, с. 221]. Еще одной проблемой для советских руководителей стала насыщенность советского киноэкрана и театров иностранной продукцией. Здесь также существовало сложное противоречие: требование идеологической чистоты сталкивалось с необходимостью выполнения промфинплана, т.е. доходности учреждения культуры. Это же относилось к переводной литературе. Комиссия ЦК КПСС 5 апреля 1958 г. обращала внимание, что Министерство культуры и издательства при планировании выпуска иностранной литературы на первое место ставят коммерческие интересы и «недостаточно учитывают идейное и художественное качество произведения». Этот упрек повторил в 1962 г. зам. заведующего Отделом пропаганды и агитации

И.В. Снастин в записке секретарям ЦК. Свою лепту в защиту «идеологической чистоты» вносили и некоторые представители советской культуры, хотя их истинные мотивы могли различаться от реальной убежденности до стремления защитить свои имущественные интересы (зам. министра культуры СССР Г.И. Владыкин отверг обвинения хореографа Л.С. Школьников, жаловавшегося в 1968 г. секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву на распространение идей английского хореографа А. Мура). Как говорил историк К.Н. Тарновский, в СССР не было многопартийности, но была многоподъездность. Различные ведомства сталкивались между собой и в вопросах допущения иностранной информации. В результате в силу целого ряда факторов, в том числе и политики «разрядки международной напряженности», доля доступной советским гражданам иностранной информации продолжала расти. Заметим, что в ситуации столкновения пропагандистских лозунгов и реальности часть советских граждан воспринимала с доверием и ту часть иностранной информации, которая также являлась пропагандой.

В разделе «Публикации» все семь материалов по-своему интересны. Для изучения истории цензуры и книгоиздательского дела в России весьма полезны будут «Отчеты цензурного ведомства как источник сведений об организации цензурного надзора и по статистике российского книгоиздания (1829—1861 гг.) / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Гринченко» [3, с. 230 – 284]. Здесь распоряжения по внутренней цензуре, статистические данные о ввезенных в Россию зарубежных изданиях, сведения о персональном составе С.-Петербургского цензурного комитета, обширный статистический материал о российском книгоиздании 1830—1860-х гг. Из таблицы видно, что к 1861 г. произошло более чем трехкратное увели-

чение общего количества названий сочинений. После смерти Николая I нарастает издание зарубежной литературы. Из данных за 1830 – 1835 гг. видна роль в тот период иностранных языков в книгоиздании с учетом особенностей Российской империи: на первом месте переводные сочинения на французском языке (524), на втором – на польском (268), на третьем – на латинском (234), на четвертом – на французском (208), на пятом – на еврейском (194), и на английском – всего лишь 9.

Екатерина Игоревна Вожик, сотрудник ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, впервые выступающая в сборнике, в публикации «Театральные рецензии и Придворная цензура в 1843 – 1844 гг.» [3, с. 285 – 306] поместила девять документов из переписки лиц, ответственных за соблюдение журналистами установленных правил. Но проблема, как показывает автор во вступительной статье, была в том, что «Множественность контролирующих инстанций, а также недостаточность формулировок действующего Устава о цензуре (1828), ... приводили к неопределенности положения театральной критики: единого представления о допустимом – как у чиновников, так и среди журналистов – не было». Даже пользовавшийся покровительством властей Ф.В. Булгарин находился в положении человека, которому было необходимо учитывать интересы театральной дирекции, III отделения, императорского двора и лично императора, непосредственно участвующего в составлении театрального репертуара. Приведу характерный пример отношения верховной власти к показу истории на театральной сцене. Из отношения начальника III отделения и шефа Корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфа министру Двора П.М. Волконскому 15 апреля 1844 г.: «Государь Император, прочитав № 82 „Северной пчелы“ ..., отозваться изволил, что статья „Боярин Федор Васильевич Басенок“, сочиненная Р. Зотовым [Р.М. Зотов (1795 –

1871) – романист, драматург и театральный критик], не должна была одобряться к напечатанию, ибо Его Величество находит, что, хотя статья эта и писана благонамеренно, не менее того обнаруживает, что правительство во времена великого князя Василия Васильевича Темного само прибегало к средствам ослепления и таким образом давало некоторый повод действовать наоборот с толиким же варварством Шемяке в отношении великого князя Василия [Речь идет о междуусобной войне в 1425 – 1453 гг. между потомками Дмитрия Донского, в которой, в конечном счете победу одержал Василий II Темный, ослепивший своего двоюродного брата Василия Косого]. Его Величество высочайше мне повелеть соизволил доложить Вашей светлости, что вообще разбор театральных пьес должен относиться к похвале или умеренному осуждению сочинения и игры артистов, а не к истории, которую г. критик без всякой нужды присоединил к предмету, который из сферы чисто театральной выходить не должен».

Доктор филологических наук А.П. Дмитриев поместил 15 неопубликованных писем графини А.Д. Блудовой к И.С. Аксакову за январь – октябрь 1861 г. [3, с. 332 – 370]. Графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1813 – 1891), фрейлина императрицы Марии Федоровны, церковно-общественная деятельница, писательница, дочь графа Д.Н. Блудова, убежденная сторонница славянофильства, излагает свои взгляды на ситуацию в стране, дает советы о тактике поведения. Например, в письме от 16 мая она так наставляет своего корреспондента: «Одна только постоянная, осторожная и разумная трезвенность умственная может быть благотворна для охранения и постепенного привития мысли важной и необветшалой к большинству мыслящих людей, а со временем и к массе людей, не размышляющих сами, но принимающих ревностно готовые и обставляемые прилично мысли. Вот почему я так глубоко убеждена, что нужно с

великою любовью и еще бóльшим снисхождением воспитать ветреную и пустую публику нашу ко принятию живительного слова и мысли — а не трубным звоном» [Курсив письма].

Кандидат богословия Д.А. Карпук в материале «Мнение духовных цензоров о духовной цензуре (1870 г.)» [3, с. 371 – 399] впервые опубликовал полный текст Записки по реформированию духовной цензуры, подготовленный специально учрежденной Комиссией под председательством известного богослова и церковного историка, архиепископа Литовского, впоследствии митрополита Московского Макария (Булгакова), в мае 1870 г. Во вступительной статье Дмитрий Андреевич подчеркивает, что «содержание записки ... являет факт того, что в церковной среде было достаточно лиц, понимающих и видящих тот вред, который наносили духовные цензоры — вольно или невольно — русской богословской и духовно-религиозной литературе. ... члены Комиссии не призывали полностью отказаться от наблюдения за собственно богослужебной, канонической и догматической литературой, т. е. имеющей самое непосредственное отношение к церковной жизни, однако предлагались довольно существенные послабления и корректировки существующих правил в сфере духовной цензуры». На основании данной записки Святейший Синод 20 января 1871 г. издал указ о довольно кардинальных и существенных преобразованиях в области духовной цензуры. Например, в указе предписывалось в столичных городах ввести карательную или наблюдательную цензуру, т. е. сделать ровно то, что уже было сделано в сфере гражданской цензуры. Но, в конечном счете, этот документ в силу так и не вступил, а 20 мая 1881 г. Синод этот указ аннулировал.

Меня заинтересовала, предоставленная доктором исторических наук М.В. Зеленовым, запись совещания в Секретари-

ате Комиссии ЦК КПСС по идеологическим вопросам 17 февраля 1953 г. редакторов литературно-художественных журналов [3, с. 473 – 486]. Среди присутствующих были главные редакторы журналов «Знамя» В.М. Кожевников, «Нового мира» А.Т. Твардовский, зам. главного редактора журнала «Октябрь» П.А. Казымов, секретарь Союза писателей СССР А.В. Софронюк. На повестке дня стоял вопрос о теоретических статьях в этих изданиях, освещающих идеологические вопросы. Выступления позволяют лучше почувствовать атмосферу времени, оценить возможности партийной цензуры в реальных условиях. Редакторы жаловались на отсутствие достойных авторов, на сухость и однотипность статей по идеологическим вопросам. А.Т. Твардовский спросил о возможности «печатания в меру переводной, главным образом разоблачительной, литературы». Председатель Комиссии А.М. Румянцев, член ЦК КПСС, будущий сторонник и проводник идей еврокоммунизма, социолог, осторожно ответил: «Конечно, можно, но увлекаться ... этим делом также не следует».

С удовольствием присоединяюсь к поздравлениям по случаю 70-летия доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой Отечественной истории Брянского университета Валерия Федоровича Блохина. Мы познакомились с ним в конце 1980-х гг. через посредство доктора исторических наук, профессора Б.В. Леванова и с тех пор поддерживаем научные, товарищеские контакты. Валерий Федорович – прекрасный ученый и великолепный человек.

Раздел «Рецензии и обзоры» содержит рецензии Е.С. Сониной на монографию: Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1: Цензура в дореволюционной России. Вып. 2: Конец 1820-х гг. — 1855 г. Интернет-издание. 2023 [3, с. 499 – 504]; Н.А. Гринченко на сборник материалов и

докладов, изданный по результатам Международной научно-практической конференции по истории драматической цензуры, С.-Петербург, 21 октября 2022 г. : сб. материалов и докладов / С.-Петерб. театральная б-ка. СПб., 2023 [3, с. 505 – 511]. Он выложен на сайте <http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/14808-razreshitelzuya-zapretit>. И.В. Алферова поместила Краткий обзор результатов исследовательской работы в рамках гранта Российского научного фонда (РНФ), 2022—2023 гг. по теме «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914 – 1917 гг.)» [3, с. 512 – 523]. Е.Г. Федяхина, С.В. Соколов, Н.Г. Патрушева дали краткие обзоры прошедших конференций: «Вторая научно-практическая конференция по истории драматической цензуры «Разрешить нельзя запретить», прошедшая 18 октября 2024 г. в Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке (СПбГТБ)» [3, с. 524 – 531], «Научно-практическая конференция «Спецхран: прошлое и настоящее в ИНИОН РАН» [3, с. 532 – 538], «Исследования по истории цензуры, представленные на научной конференции XXIII Павленковские чтения: Книжное дело в России в XIX – начале XX века» [3, с. 539 – 541].

Поздравив организаторов и авторов с несомненным успехом и пожелав им продолжать свою полезную для российской культуры деятельность, по законам жанра пора перейти к замечаниям. Главное из них касается круга авторов. По моим подсчетам, в сборнике приняло участие 24 человека. Из них 16 (75 %) – из Санкт-Петербурга, по 3 человека представляют Брянск и Москву, по 1 человеку – Орел и Саратов. Да и питерские авторы в большинстве (11 человек) трудятся в трех учреждениях: РНБ (5), Пушкинский Дом (3) и Санкт-Петербургский университет (3). По разным причинам, видимо, исчезли иностранные авторы. Думается, что издатели должны

озаботиться расширением авторской географии. За Волгой находятся такие крупнейшие научные центры, как Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Томск, Хабаровск, Владивосток и другие. Уверен,

что там, безусловно, есть потенциальные авторы, занимающиеся сюжетами российской цензуры, в том числе, на региональном материале. Так что составителям есть над чем работать.

Список литературы

1. Головнин А.В. Записки для немногих / Вступ. статья Б.Д. Гальпериной // Вопросы истории. 1996. № 1.
2. Ефремов Е. «Крах СССР не предсказал никто»: памяти Ричарда Пайпса // Livejournal. URL: <https://evgeniy-efremov.livejournal.com/130884.html> (Дата обращения 22.02.2026).
3. Цензура в России: история и современность : Сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2025. Вып. 12. 544 с.

RUSSIAN SCHOLARS ON CENSORSHIP

Review of the collection "Censorship in Russia: History and Modernity. A Collection of Scientific Papers". Vol. 12. St. Petersburg: Russian National Library, 2025. 544 p.

Peer-reviewed collection are devoted to the history of censorship in Russia for two centuries. It analyzes the problems of access to information; specific situations of censorship relations with Russian writers, publishing houses, newspapers and magazines, theaters; documents and reference materials from the history of censorship are published; book reviews and reviews of various events on censorship issues.

Keywords: Censorship history, publications, anniversaries, reviews, bibliography and reference materials

References

1. Golovnin A.V. Zapiski dlya nemnogh / Vstup. stat'ya B.D. Gal'perinoj // Voprosy istorii. 1996. № 1.
2. Efremov E. «Krah SSSR ne predskazal nikto»: pamyati Richarda Pajpsa // Livejournal. URL: <https://evgeniy-efremov.livejournal.com/130884.html> (Дата обращения 22.02.2026).
3. Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost' : Sb. nauch. tr. SPb.: RNB, 2025. Vol. 12. 544 s.

Об авторе

Измозик Владлен Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского Государственного университета телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича, E-mail: izmozik@mail.ru

Izmozik Vladlen Semenovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications (Russia), E-mail: izmozik@mail.ru